

О Т З Ы В
официального оппонента на диссертацию
Станислава Александровича Репинецкого

«Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856 – 1860 годов»

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

На первый взгляд, исследование С.А. Репинецкого ограничено сравнительно узкими предметно-хронологическими рамками: крестьянский вопрос в публицистике либерального толка последних пяти дореформенных лет. Но при более внимательном ознакомлении с диссертацией становится очевидным, что избранный в ней аналитический ракурс гораздо шире. Крестьянский вопрос в данном случае – это только сюжетный стержень, в связи с обсуждением которого в публицистике предреформенных лет происходило *формирование идеологии российского либерализма*, выстраивались отношения общественности и власти, ставились ключевые вопросы о средствах исцеления различных социальных недугов, степени и формах участия общественных элементов в государственных делах, о русской специфике и западном опыте. Словом, речь заходит уже о *неизменно-сущностных* вопросах истории либерализма в России. Автор предлагает и свое понимание (дефиницию) этого общественно-политического феномена, исключая из него славянофилов и либеральную бюрократию, и даже пытается определить перспективы либерализма в нашем Отечестве (см., например, с. 283).

Давно замечено, что историю вообще, а историю национальной общественной мысли в особенности едва ли не каждое поколение прочитывает заново сквозь призму своего опыта. Конечно, *каждому* поколению в минувшем веке свободы переосмысления прошлого предоставлено не было, но ныне живущие, вне всякого сомнения, такой возможностью пользуются. Мне кажется, что многое в диссертации С.А. Репинецкого обусловлено и этим, вполне естественным для нового поколения исследователей, к которому он принадлежит, стремлением открыть для себя тему заново. К широте наблюдений и выводов автора подталкивает не только сам сюжет, избранный для анализа, но и пресловутый дух времени, который витает над обсуждаемой диссертацией. Иначе и быть не могло. Изучение либерализма в нашей стране, как бы глубоко в прошлое ни заглядывал его исследователь, открыто или подспудно предполагает диалог с современностью. Идет ли речь в диссертации о поисках либералами

точек опоры в российской действительности, острых дискуссиях, которые они вели между собой вокруг давно исчезнувшей крестьянской общины, вечно живой бюрократии, не склонного к быстрым изменениям национального характера или служащего нам вечным укором или же «красной тряпкой» (смотря, на чей вкус) западного опыта (я просто бегло перечисляю тематику глав и параграфов), – все это, несмотря на истекшие полтора года, *актуально*. При этом автор, как и положено профессиональному исследователю, старается анализировать взгляды либеральных публицистов вполне отстраненно, не выражая свои симпатии или антипатии к ним.

Новизна диссертации состоит и в плодотворной попытке отойти от ставшего уже традиционно-узким круга источников и персонажей, изучаемых в историографии. Расширению предмета исследования способствует и метод сплошного изучения всего комплекса либеральной публицистики рассматриваемого времени и примененный в диссертации контент-анализ либерального словоупотребления. При этом в диссертации использованы материалы пяти периодических изданий, двух неперiodических многотомных сборников, собрания сочинений либеральных мыслителей, документы сорока фондов восьми архивохранилищ.

Одним из наиболее впечатляющих результатов *системного* подхода к предмету исследования стала подробная реконструкция *широкого разнообразия* взглядов *внутри* либерально-западнической публицистики по всему комплексу вышеназванных ключевых вопросов. Сам автор, как мне показалось, склонен трактовать этот важный результат скорее в негативном ключе. По его мнению, «разобщенность “либерального фронта” и непоследовательность большинства его представителей не позволили в полной мере воплотиться в крестьянской реформе либеральной идее: она оказалась искажена носителями или отвергнута правительством в виду противоречивости предложений ее выразителей» (с. 288). Думается, однако, что «разобщенность», «непоследовательность» и «искажения» больше свидетельствуют о том, что западническая традиция в русле которой, как полагает диссертант, и происходило развитие либеральной мысли в России, отнюдь не сводима к простому подражательству (реанимация подобных упрощенных представлений о западничестве наблюдается в современной литературе), а сам процесс заимствования чужого опыта предварялся и сопровождался впоследствии его критической перепроверкой в напряженных интеллектуальных дискуссиях. Особенно выразительно это продемонстрировано автором даже не столько в специальном параграфе, посвященном отношению либералов к западному опыту, сколько на примере их споров о крестьянской общине, составлявшей одну из главных особенностей русской жизни в сравнении с Западом. Как убедительно показано в диссертации разное видение общины предполагало разное отношение к индустриальной цивилизации (с. 184 – 185), и соответственно, разные представления о будущем России.

Что касается воплощения либеральной идеи в реформах, проведенных в жизнь, и реформаторских проектах, разрабатывавшихся в правительстве, но оставленных под сукном, то это сюжет специального исследования, выходящий за рамки рассматриваемой работы. Замечу только, что реформационный процесс, начатый с конца 1850-х гг., происходил в течение десятилетий. За это время и у правительства и у либеральной общественности было немало возможностей вносить в него те или иные коррективы, что отчасти и происходило. В этом смысле революционный финал образца 1917 г. не был запрограммирован в 1861 г. Поэтому, вывод автора об упущенном шансе наладить конструктивное взаимодействие между властью и либеральной общественностью (с. 147) я бы смело распространил и на первые пореформенное двадцатилетие. Ведь именно тогда в правительстве возникают один за другим проекты созыва выборного представительства, соответствовавшие в той или иной степени либеральному стремлению к расширению общественного участия в государственных делах. И что еще важнее, несмотря на всплеск экстремизма к концу 70-х годов, сохраняется известное общественное доверие к реформаторскому потенциалу власти. Нет той стены отчуждения, которая окончательно выросла к началу нового века, когда уже сами либералы заговорили несвойственным им языком революции.

Автор убедительно демонстрирует, что для многих предреформенных либералов было характерно «отсутствие системного подхода в использовании западного опыта», обусловленное непониманием «тесной взаимосвязи явлений, где один элемент без другого не работает» (с. 280 – 281). На мой взгляд, следовало бы при этом отметить, что сама по себе установка на избирательный, селективный подход к использованию опыта западных стран, была вполне естественна для русской либеральной мысли, хотя бы потому, что в реальности существовала не одна «западная модель», а множество национальных моделей.

Излишне категоричными представляются мне утверждения, что «в системе Чичерина не было места национальной специфике» и что, «это ее в значительной степени сближало с классическим формационным [марксистским] подходом» (с.281). Сам автор поправляет себя, когда пишет, что «корневое различие» Запада и России Б. Н. Чичерин усматривал в том, что «на Западе общество стоит в авангарде всех преобразований, а в России – государство» (с. 178 – 179).

Значительное внимание в обсуждаемом исследовании уделено рассмотрению проблемы «либералы и российский социум предреформенного времени». И в этом плане С.А. Репинским получены ценные научные результаты. Как показано в диссертации, «российский социум в сочинениях либералов представал феодальным обществом, расколотым множеством социально-экономических противоречий и культурных различий на изолированные и отчужденные друг от друга группы» (с.262). Судя по всему, сочинения либералов в данном случае

вполне адекватно отражали действительность. Сами же либералы, как справедливо подчеркивает автор, «происходили из практически однородной среды дворянской интеллигенции и в этом смысле являлись лишь одной из разрозненных и изолированных друг от друга ячеек российского общества» (с.264). Формулируемый на основе подобной констатации вывод, что «это существенно сужало их взгляд на весь народ и делало их теории непонятными большинству современников и потомков» (там же) оставляет, как мне представляется, не до конца проясненным вопрос, а какие взгляды в тот исторический период могли претендовать на статус «общедоступных» и «общенародных»?

По мнению автора, главное противоречие либералам виделось «в столкновении служащего бюрократизированного дворянства и дворянской общественности, то есть двух категорий дворянства разделенных по признаку отношения к правительству и государственной службе» (с. 259). В данном случае автор по-своему формулирует подтверждаемый опытом и западноевропейской истории вывод, согласно которому либерализм является плодом развития элитарной культуры и заявляет о себе первоначально в результате *раскола* некогда единой правящей элиты. В России становление либерализма и *общества* (в том особом значении, которое неизбежно приобретало это понятие в XIX в.) происходило главным образом в среде образованного дворянства и в русле присущих дворянскому сословию социокультурных традиций. Кстати, во многом в русле тех же традиций продолжало развиваться и *разносословное* по своему составу русское образованное общество начала XX в.

Я бы не стал совсем исключать из процесса формирования либерализма в России и либеральную бюрократию, хотя бы потому, что речь шла, в сущности, об одном узком круге тесно связанных между собой лиц, а положение *близких к власти людей* носило порой временный характер и менялось на протяжении политических судеб одних и тех же деятелей.

Одна из главных проблем, с которой сталкивались тогдашние либералы, заключалась в том, что им предстояло преодолевать одновременно и авторитаризм традиционной власти и преобладающую патриархальность российского социума. Они были в очевидном меньшинстве. В этих условиях вполне логичными выглядели их установки на сотрудничество с властью, вступившей на путь реформ (прежде всего, в лице ее наиболее просвещенных представителей), и на поместное дворянство как на сравнительно культурную и стоявшую все-таки особняком от правительства общественную силу. Других подобных опор, кроме тонкого слоя интеллигенции, в предреформенной России просто не было. Не появились они и многие годы спустя. Вечной проблемой для либералов стали поиски союзников.

В наших оценках роли поместного дворянства до сих пор чувствуется влияние радикальной публицистики пореформенных лет, чьи традиции унаследовала и советская историография. Между тем, как отмечает современный исследователь, регионы, как, например, Си-

бирь, где «независимого поместного дворянства» не было, отличались «особенно высоким уровнем злоупотреблений губернских и уездных чиновников» (См.: Куприянов А.И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М., 2007). Да и в пореформенное время (как пишет, например, В.А. Твардовская в одном из своих сравнительно недавних трудов) «оскудение» поместного дворянства Европейской России, вряд ли можно оценивать однозначно. Слишком много культурных сил, выработанных русской историей, сходило вместе с этим общественным слоем со сцены. Грядущая развязка крестьянско-помещичьего «дела» давала в глазах либералов шанс и крупному землевладению в России сыграть новую историческую роль. Вопрос о том, насколько у него это получится, могло решить только будущее, о котором они не ведали.

С учетом обрисованного в диссертации исторического контекста становятся более понятными и различные варианты либерального образа мыслей и поведения, которые по виду могли носить и нелиберальный характер. Отдавая руководство страной на весь переходный период самодержавию, Б.Н. Чичерин вместе с тем, наряду с местным самоуправлением и новыми судебными учреждениями, придавал особое значение сохранению привилегированного статуса дворянства как противовеса бюрократии и гарантии известной свободы. Отстаивая лидерство в реформационном процессе за либеральным дворянством и отрицая его за монархией и бюрократией, А.М. Унковский считал необходимым подкрепить это лидерство на уровне всесословного местного самоуправления привилегированным положением дворянства (с. 162 – 166, 187 – 188). Если Чичерин пытался провести либеральные реформы в России посредством самодержавия, то Унковский, по словам диссертанта, «выбрал антилиберальную, по существу, программу, которая была призвана способствовать либерализации российской деревни» (с. 166). При этом и Чичерин в своих взаимоотношениях с реальной российской властью был гораздо меньшим ее поклонником, чем в своих теоретических построениях, и Унковский в своей практической деятельности, как пишет и сам автор, отнюдь не зарекомендовал себя как узким крепостником. В связи с этим становится вполне очевидной недостаточность анализа одного только либерального мировоззрения в предреформенной (и пореформенной) России без учета реальных условий деятельности, особенностей характера, поведенческих установок, этоса либеральных деятелей. Но решение этой задачи требует самостоятельного исследования.

Отмеченные мною расхождения с автором по ряду вопросов имеют характер вполне естественной для науки полемики, которая, как я надеюсь, будет продолжена в ходе публичной дискуссии на заседании диссертационного совета.

Представленная к защите работа оформлена в соответствии с современными научными требованиями. Ее главные положения нашли отражение в многочисленных публикациях соискателя. Автореферат соответствует основному содержанию диссертации.

На основании всего изложенного прихожу к следующим выводам: результаты, полученные соискателем, имеют *существенное значение* для развития исторической науки в области изучения истории России; представленная к защите работа отвечает требованиям п. 8 Положения ВАК о порядке присуждения ученых степеней, а ее автор – Станислав Александрович Репинецкий заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент

С.С. Секиринский,
доктор исторических наук,
профессор

17 ноября 2009 г.